

Чоу Хуайшэн остановился перед дверью Истинного владыки Сюаньцина и глубоко вздохнул. Наставник всегда видел его насквозь. Услышав давешний призыв, юноша сразу понял, о чём пойдёт разговор, и заранее приготовился к нему — впрочем, у него и самого накопилось то, чем следовало поделиться со стариком.

Хуайшэн негромко постучал. Почти сразу дверь отворилась, и на пороге показался Сюаньцин. Старик жестом пригласил ученика войти. В комнате уже витал тонкий аромат свежесваренного чая.

— Садись, — мягко произнёс наставник. — Мы с тобой давно не беседовали с глазу на глаз.

Сюаньцин указал на циновку напротив себя. Хуайшэн, не чувствуя робости, послушно опустился на колени. Старец устроился на круглом кожаном пуфе.

— Недавно я раздобыл новый сбор, — Сюаньцин кивнул на чашу, от которой поднимался тонкий завиток пара. — Попробуй-ка. Каков он на вкус?

Хуайшэн бережно взял чашу и приподнял крышку. Тотчас в лицо плеснул густой аромат. Поразительно: посреди суровых зимних холодов учитель умудрился раздобыть свежие чайные листья, чей запах ничуть не уступал весеннему сбору, а пожалуй, даже превосходил его глубиной. Легонько сдвинув крышечкой плавающие на поверхности чаинки, юноша сделал первый осторожный глоток.

Сюаньцин с тихой улыбкой наблюдал за тем, с каким удовольствием пьёт его ученик. Наконец Хуайшэн опустил чашу.

— Ну как? — прищурился старик. — Поделись впечатлениями.

— Запах у него великолепный, напоминает благородный сандал, — честно признался Хуайшэн. — Но стоит сделать глоток, как чувствуется резкая горечь, куда горше обычного чая. Зато потом, когда сделаешь вдох, этот сандаловый аромат словно расцветает внутри. На языке остаётся долгое, сладковатое послевкусие, которое полностью смывает прежнюю горечь.

— Всё верно, — кивнул Сюаньцин. — Этот чай сушили над тлеющей сандаловой древесиной, оттого он и перенял её дух, сохранив при этом собственную крепость. Человеческая жизнь устроена точно так же: какие бы невзгоды ни выпали на твою долю, за всякой горечью неизменно следует сладость.

Наставник помнил, сколько лишений Хуайшэн претерпел в детстве, и сейчас умышленно направлял беседу в это русло. Из всех учеников, прошедших через его руки за последние десятилетия, этот юноша был самым любимым — искренним, талантливым, не имеющим равных. Сюаньцин знал, что у того на душе лежат великие устремления, но понимал и другое: слепая жажда мести способна увести на кривую дорожку, где неизбежно пострадают невинные.

После этих слов Хуайшэн замолчал. В тишине комнаты слышалось лишь потрескивание углей. На самом деле он пришёл сказать, что уходит. И речь шла не о короткой отлучке на пару дней — он собирался покинуть гору Небесного Духа навсегда.

— Учитель... — с трудом выдавил Хуайшэн, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения. — У меня есть просьба. Я долго размышлял над этим.

Ему действительно было не по себе. Сюаньцин заменил ему отца, вложил в него всю душу, обучил всему, что знал сам. И каково теперь уходить ради собственных тайных целей, фактически разрывая священные узы ученичества, ковавшиеся годами?

— Я знаю, о чём ты хочешь просить, — негромко перебил его старец, неспешно подливая горячую воду в чаши. — Но неужели ты и впрямь твёрдо решил уйти?

«Наставник действительно всё понял... Неужели он позвал меня именно ради этого разговора? От его взора ничто не укроется»

— Да, — преодолевая внутреннее сопротивление, твёрдо произнёс Хуайшэн. — Моё решение неизменно. Прошу вас, учитель, отпустите меня.

Каждое слово давалось с колоссальным трудом. Покидать обжитую обитель и любящего наставника было больно, но у него имелись причины, которые он не мог проигнорировать. В этот миг ему оставалось лишь мысленно просить у старика прощения.

— Я всегда знал, что этот день придёт, — вздохнул Сюаньцин. — К чему пустые слова о согласии? Ты — мой лучший ученик. Если когда-нибудь жизнь загонит тебя в тупик, помни: ворота на горе Небесного Духа всегда открыты для тебя. И никогда не забывай то, чему я тебя учил. Что бы ты ни задумал, всегда оставляй себе путь для отступления. А то, что можно отпустить... лучше отпусти прямо сейчас.

Старец понимал, что юношу не удержать ни мольбами, ни доводами разума. Ему было жаль сироту. Ещё шесть лет назад, когда он забирал истощённого, израненного мальчика из чужого дома, он предвидел этот миг. Даже обладая даром провидения, Сюаньцин не мог переписать судьбу. В глазах простых людей он казался всемогущим бессмертным, но на деле существовали вещи, неподвластные даже ему.

— Я помню все ваши наставления, — глухо отозвался Хуайшэн. — Но сыновний долг — превыше всего. Я поклялся исполнить последнюю волю матушки и не смею нарушить обет. Простите, что обманул ваши ожидания. Обещаю: спустившись в мир, я никому и никогда не обмолвлюсь, что обучался на горе Небесного Духа.

Он прекрасно понимал истину: «Наставник на один день — отец на всю жизнь». Но испокон веков долг перед семьёй и верность учителю редко уживались в одном человеке. Выбирая между ними, как между рыбой и медвежьей лапой, он был вынужден принести в жертву

чувства наставника.

— Что ж, иди своим путём. Раз уж не удержать тебя, просто будь осторожнее, — Сюаньцин не выказал ни гнева, ни горечи.

Он смирился с неизбежным. Старец потянулся к полке и достал потрёпанную книгу в простом переплёте.

— Возьми. Это трактат «Расположение сил Фэншуй». Пусть останется тебе. Если столкнёшься со сложностями, разбираться придётся самому — больше я тебе не помощник. Ступай к себе, отдохни. Завтра на рассвете тебе ещё провожать в путь Его Высочество наследника.

Разрывать духовную связь с любимым учеником было тяжело, но старик понимал: уж лучше эта книга достанется Хуайшэну, чем после его собственного ухода попадёт в алчные руки. Сюаньцин смутно видел, какая тернистая дорога ждёт юношу впереди.

Хуайшэн бережно принял трактат и спрятал его за пазуху.

— Позвольте мне проститься здесь, учитель. Спасибо за то, что растили и терпели меня все эти годы!

Поднявшись, юноша опустился на колени и трижды коснулся лбом пола — точно так же, как делал это шесть лет назад, когда его только приняли в ученики. Сюаньцин молча повёл рукой, веля ему подняться, а затем первым покинул комнату, не желая затягивать прощание.

Вернувшись в павильон Хранящий Облака, Хуайшэн не лёг спать. Вместо этого он молча принялся собирать вещи, укладывая всё самое необходимое в дорожный мешок. Закончив, он бесшумно проскользнул в спальню Ань Цзыяня. Юноша присел на край постели и осторожно, едва касаясь, отвёл со лба спящего тонкую прядь волос.

Завтра в полдень они разъедутся в разные стороны. Полтора года пролетели как один миг. На его лице отразилась гамма противоречивых чувств. Долго, почти четверть часа, он просто сидел рядом, вглядываясь в расслабленные черты лица Ань Цзыяня. Напоследок Хуайшэн поправил одеяло, подбросил несколько угольков в жаровню, чтобы комната не выстудилась к утру, и тихо вышел.

Утром оба поднялись ни свет ни заря. Хуайшэн приготовил немудрёный завтрак. Они сидели друг напротив друга, уткнувшись в свои чашки, и за всю трапезу не проронили ни слова — гнетущее молчание повисло в воздухе.

На середине завтрака Цзыянь отставил палочки — кусок не лез в горло. Он поднялся из-за стола и вышел во двор, к раскидистому старому дереву. С неба хлопьями валил густой снег, укрывая землю белым ковром, но юноша словно не замечал пронизывающего холода. Сиденье

качелей утопало в сугробе. Цзыянь бережно смёл пушистый налёт ладонью и опустился на доску. Наверное, мороз должен был обжигать сквозь одежду, но сейчас он совсем ничего не чувствовал.

Он слегка качнулся, помогая себе ногами. Осознание того, что он, возможно, больше никогда не сядет на эти качели, острой иглой полоснуло по сердцу, и он заплакал. Цзыянь не знал, что из дверного проёма за ним пристально наблюдает Хуайшэн. Тот не видел его лица, скрытого капюшоном, но юноша выглядел бесконечно одиноким.

«Последние полгода, если только не мешал дождь или не одолевала хворь, я проводил здесь каждый день. А брат Хуайшэн выносил кресло-качалку и устраивался рядом...»

Этот образ выжегся в памяти Цзыяня прочно. Наверное, такого тихого счастья в его жизни больше уже не случится.

Понимая, что время не ждёт, Цзыянь торопливо смахнул слёзы рукавом и поднялся. Стоило ему обернуться, как он наткнулся на взгляд Хуайшэна, застывшего у порога. Слабо улыбнувшись, юноша пошёл к нему.

— Брат Хуайшэн, пора. Пойдём?

— Да, пора, — отозвался тот. — Накинь вот это, в горах сейчас лютая стужа. И переобуйся. Я смастерил эти сапоги сам, подошва не скользит, а внутри плотный слой хлопка — ноги не замёрзнут. Ещё надень бамбуковую шляпу, иначе снег забьётся в волосы. И держи вот это, спрячь в муфту.

Хуайшэн одну за другой протягивал тщательно подготовленные тёплые вещи. Глядя на эту трогательную заботу, Цзыянь с трудом сдерживал слёзы.

— Брат Хуайшэн, ты так добр ко мне... Как же мне тяжело расставаться с тобой!

Слёзы, которые он только что усердно вытирал, хлынули с новой силой. Хлюпая носом, он принялся натягивать принесённую одежду.

— Глупенький, к чему эти слёзы? — Хуайшэн ласково взъерошил ему волосы под шляпой, отчего та съехала набок, и тут же заботливо поправил её. — Скажу тебе по секрету: вчера я поговорил с учителем. Я тоже ухожу. Спускаюсь с горы насовсем и сюда больше не вернусь. Так что мы непременно ещё свидимся.

— Но... почему? Разве здесь плохо? — Цзыянь изумлённо посмотрел на него, не веря услышанному.

— Здесь чудесно. Но, как я уже говорил, меня ждут дела поважнее. Проверь, всё ли ты собрал.

Если ничего не забыл, то в путь.

— Погоди! Кое-что всё-таки забыл! — всполошился Цзыянь и бросился обратно в дом.

Он подбежал к платяному шкафу, рванул дверцу и бережно достал небольшой деревянный ларец. Чуть было не оставил самое дорогое — шкатулку с деревянными безделушками и игрушками, которые Хуайшэн мастерил для него долгими вечерами. Спрятав её на самое дно дорожной сумки, юноша поспешил на улицу.

— Теперь точно всё! Идём!

Хуайшэн кивнул, запер тяжёлые двери павильона, и они пустились в дорогу. Хлопья падали так густо, что оставленные путниками глубокие следы затягивало свежим снегом почти мгновенно, будто здесь никогда и не ступала нога человека.

Прежде чем покинуть обитель на горе Небесного Духа, они зашли к Истинному владыке Сюаньцину, чтобы выказать почтение и попрощаться окончательно.

Покидая уединённый приют, Цзыянь ступал с предельной осторожностью. Кошмар полуторагодичной давности оставил неизгладимый след в его душе, и повторять ту роковую ошибку он не собирался. Впрочем, Хуайшэн тоже не расслаблялся: на горных тропах под слоем свежего снега прятался коварный лёд, малейшая оплошность могла стоить им жизни, поэтому он не отвлекался ни на секунду.

Наконец крутые склоны остались позади, и они выбрались к подножию горы.

— Люди из поместья принца-регента ждут тебя в деревне неподалёку, — сказал Хуайшэн. — Провожу тебя до места.

Дорога до селения заняла от силы полчаса. Вскоре у первых изб они действительно увидели карету и вооружённый конвой, присланный за молодым господином.

— Ну, иди, — Хуайшэн ободряюще похлопал его по плечу. — Не заставляй их ждать. Береги себя. Как только освобожусь, я обязательно тебя отыщу.

Цзыянь послушно кивнул.

— И ты береги себя, брат Хуайшэн. Прощай.

С этими словами он развернулся, но, сделав всего несколько шагов, резко затормозил, обернулся и изо всей силы прижался к груди Хуайшэна.

— Я знаю, что лучше бы мне промолчать, — прерывистым от сдерживаемых слёз голосом зашептал Цзыянь. — Знаю, что если откроюсь тебе, ты, возможно, испугаешься и больше никогда не захочешь меня видеть. Но я должен признаться... Иначе всю оставшуюся жизнь буду жалеть о своей трусости.

— Говори, я слушаю, — мягко ответил Хуайшэн, пытаясь успокоить его.

— Брат Хуайшэн... На самом деле... я давно люблю тебя!

Эти слова сорвались с губ, словно лавина. Сердце Цзыяня бешено колотилось от страха. В это мгновение он почувствовал, как Хуайшэн заметно одеревенел. В душе юноши разлилась горькая усмешка.

«Ну конечно, я так и знал...»

Не давая ему опомниться, Цзыянь порывисто разорвал объятия и бросился к ожидавшей его карете, оставив Хуайшэна стоять в растерянности посреди заснеженной дороги.

Хуайшэн опомнился лишь тогда, когда хрупкая фигурка скрылась в дверце экипажа. Он дёрнулся вперёд, намереваясь догнать, остановить, что-то сказать... но кони уже тронулись с места. Под свист ветра повозка скрылась за пеленой непрекращающегося бурана. Очень скоро густой снегопад поглотил и карету, и всадников, сокрушая всякую надежду рассмотреть их в белой пустоте.

<http://bllate.org/book/18341/1829013>